

Экран и сцена —
1997 — 6 февр. —
13 февр. — 916.

— Леонтий Сергеевич сам
сочинил пьесу!

— А зачем?

(М.Булгаков. "Театральный роман")

В самом деле, зачем хороше-
й девушке заниматься та-
ким неблагодарным делом?
Ни денег тебе особых, ни сла-
вы. Но Ольга Мухина отчего-то
упорно сохраняет верность
драматургии, что, впрочем,
принесло свои плоды. Прочитана.
Поставлена. Замечена. И даже от-
мечена — поедет с другими победи-
телями конкурса "Московские де-
бюты" на родину Шекспира.

Сочинять пьесы — одно, а жизнь —
совсем другое дело. Нужно и "серь-
езным" чем-то заниматься ради
хлеба насущного.

— Я работаю. На российском те-
левидении редактором музыкаль-
ной программы "У Ксюши". Но если
бы вдруг разбогатела и не стала хо-
дить на службу, то заскучала бы. В
нашей редакции собрались редкие
люди, работают, как лошади. Вре-
мени свободного у них просто нет.
Поэтому, чтобы иметь возможность
общаться с ними, нужно вместе тру-
диться. Мне нравится, что я — ре-
дактор, а не сценарист. Раньше
страшно мучилась, когда приходи-
лось писать тексты. Не всегда все
получалось, ведь это совершенно
иной взгляд — журналистский. У ме-
ня же другие отношения с написан-
ным. Но преодолеваю подобные
проблемы.

С учебой у меня не сложилось.
Стала деньги на жизнь зарабаты-
вать — зависла в институте, на заоч-
ку перевелась. До сих пор на чет-
вертом курсе Литинститута.

— Коллегам что-нибудь извест-
но о твоей драматургической де-
ятельности?

— Конечно. Они даже гордятся
мною. Когда приходит какой-нибудь
спонсор и просит написать сценарий,
уверяют его, что наш текст бу-
дет самым лучшим, потому что у
нас, мол, сидит супер-драматург.
Это — обо мне. Мы — своего рода се-
мья. Ксения Стриж — очень яркий
человек, настоящая актриса. Она и
училась в Щукинском.

— И все же главное, наверное, —
жизнь драматургическая?

— Уже пять пьес написано. Многие
почему-то вспоминают первую из
них "Печальные танцы Ксаверия
Колуцкого" как лучшую. Но я все-
таки совершенствуюсь, и каждая
последующая пьеса лучше преды-
дущей. Так мне кажется. Хотелось
бы собрать их в одной книжке вме-
сте с любимыми моими картинками.

— А каким образом пьесы моло-
дого драматурга оказываются
напечатанными в журналах? По-
делись опытом.

— У драматургов все разумно ус-
троено. Это счастливая литератур-
ная компания со своими семина-
рами в Рузе, Любимовке, Щелькове.
Если ты живешь в Москве и напи-
сал пьесу — не пропадешь. Хотя са-
ма я долгое время не подозревала
о существовании всех этих семина-
ров и думала, что никто и никогда
не узнает о моих пьесах. Технологи-
я такая: относишь свою пьесу в
Министерство культуры для учас-
тия в семинаре в Рузе, либо в СТД —
для Любимовки. При Доме актера
существует клуб Кости Треллева.
Свой клуб драматургов есть и при
МХАТе. Конечно, когда тебя совсем
никто не знает, то попасть на стра-
ницы журнала шансов мало.

— У меня все произошло случайно
и без видимых усилий с моей сторо-
ны. Может, просто повезло. Я была
знакомой с А.Казанцевым по семина-
ру в Любимовке. Он прочитал мою
пьесу "Любовь Карловны", опубли-
кованную в "Современной драма-
тургии", и сказал, чтобы следую-
щую приносила к нему в журнал
"Драматург". Так я и сделала. Опу-
бликовали. Очень бережно отнес-

лись к тексту, сохранив каждую за-
пятую. Да и Ольга Мухина, а не Ольга,
появилась благодаря тому, что мой
знакомый, распечатывавший текст
пьесы на компьютере, набрал Оля.
Критики потом усмотрели в этом
кокетство.

— Ольга, а почему тебя вдруг
прибило к драматургии?

— Четыре года подряд пыталась
поступить во ВГИК то на сценар-
ный, то на режиссуру. Но меня даже
до конкурса не допускали. В конце
концов взяла в Литинститут. Мама
моя бредила театром, несмотря на
то, что по профессии она геолог. Да-
вала мне читать в детстве пьесы
Горького, Островского, Уильямса,
Уайльда, Пристли. Причем, делала
это неосознанно — от большой
любви к театру. Ей всегда казалось
странным то, что люди так мало чи-
тают пьесы. Потом я и сама начала
их писать. Мамина сестра рисовала
театральные афиши, оформляла
спектакли, а я любила бывать в ее
мастерской. Так что вокруг театра
все и вертелось.

— Ничего нет хуже, товарищи, чем
малодушие и неуверенность в себе.

Когда я уже решила для себя, что
с кино все покончено, и поступила в
Литинститут на семинар драматур-
гии, вдруг с каждой вновь написан-
ной пьесой начала все больше
влюбляться в театр. Ведь нет ниче-
го плохого в том, что театр ставит
свои условия. Постепенно я поняла
прелесть игры по его правилам. И
это оказалось куда интереснее, чем
их отсутствие. Мне-то самой кажет-
ся, что я пишу хорошие пьесы. А
кто-то, вероятно, скажет, что пишет
она плохо.

— Ну, если бы самой не нрави-
лись, вряд ли бы ты этим занима-
лась.

— Это так. Ведь в Литинститут
мне все время твердили: "Да, это
интересно, но это не драматургия".
Не драматургия, так не драматур-
гия. Ну и ладно. Но когда в Пензе на
семинаре драматургов актеры про-
читали мою пьесу, я подумала: "А
что вам, собственно, не нравится?"
И словно груз спал с моих плеч. Се-
минары в Литинституте имеют
очень отдаленное отношение к те-
атру. Пьеса, с которой я поступала,
понравилась моему учителю Ю.Эд-
лису. Но он сравнил ее с шампан-
ским, а оно быстро выдыхается, с
ним нужно быть осторожным. Сту-
денты приняла тогда пьесу с апло-
дисментами. После чего я пребыва-
ла в состоянии эйфории. Тут же на-
писала вторую — "Александр Ав-
густ" на 122-х страницах, без запя-
тых, какими-то кусками. Это был
такой внутренний всплеск, чистое
искусство ради меня самой. С новой
пьесой я пришла на семинар и полу-
чила сполна. Хотелось все забро-
сить. На счастье встретила челове-
ка, которому мои писания пришлось
по вкусу, и во мне зародилась сме-
лость, которой прежде не было.
Чтобы существовать в литературе,
драматургии, нужно иметь в себе
силы сопротивляться. Иначе не то,
чтоб уничтожить, но начнут совето-
вать, что и как делать, и тогда мож-
но потерять главное. Уверенность в
самом себе необходима. И когда у
тебя вдруг начинается что-то полу-
чаться, тебя за эту твою уверен-
ность будут уважать. Так и было с
моей пьесой "Таня-Таня".

— Я вовсе не претендую, чтобы
мою пьесу играли основоположни-
ки!.. Пусть ее играют молодые!

— Оля, соприкосновение с теат-
ром ломает?

— Абсолютно нет. Та же пензен-
ская встреча с актерами стала для
меня огромным вдохновением.
Именно после нее я написала "Та-
ню-Таню". Как только во время мо-
их писаний я начала думать о теат-
ре, стало что-то вырисовываться.

— Но как же все произошло?

— В деревне написала "Таню-Та-
ню". Все пьесы пишу там. Сидя в
своей каморочке, постоянно наты-
калась на телепрограммы, где все
время говорили, что ставить теат-
рам нечего. Вот, думаю, привезу
свою пьесу в Москву — ее тут же

Ольга Мухина: "Пишу о том, что знаю и люблю"

возьмут в репертуар не меньше трех
столичных театров. Такие мысли
приходили в голову. Период, когда
готовая пьеса находится у тебя на
руках и невостребована, очень тя-
желый. Раздала свой текст кому
только можно. Жду. Полное зати-
шье. Выхода на театр у меня тогда
совсем не было. Может, думаю,
молчат оттого, что пьеса не нравит-
ся, а не нравится потому, что ста-
рые.

Один молодой режиссер теперь
говорит, что по глупости прозвал
мою пьесу, а тогда сказал мне: "Ну,
понимаешь... Пьеса — это, как жен-
щина. Я ее могу просто не хотеть,
какая бы хорошая она ни была". А я
рассуждала, мол, ничего не подела-
ешь, бывает же так, вроде бы жен-
щина прекрасная, хорошая такая, а
мужчина почему-то идет к прости-
тутке. Успокоилась и решила
ждать. Вдруг наступит время, и мою
"Таню-Таню" кто-то захочет. Сама
набрала труппу для показа в Люби-
мовке, а это — Кирилл Пирогов из
Мастерской Петра Фоменко, актеры
из театра Погребничко и с Малой
Бронной. Потом уже Андрей При-
ходько принес "Таню-Таню" в Мас-
терскую Фоменко и начал ставить.

"С этого дня жизнь моя резко из-
менилась".

Теперь уже могут позвонить из
театров и попросить почитать ка-
кую-нибудь из моих пьес. Это стало
возможным благодаря Фоменко.
Его имени. Когда оказывают тебе
столько внимания, как это было со
мною, чувствуешь себя неловко. Хо-
чется сквозь землю провалиться.
Раздаются щедрые авансы. А вдруг
больше ничего и не получится? И
повесят на тебя страшный ярлык:
автор одной пьесы. Теперь я напи-
сала новую пьесу. Каждая интона-
ция в ней идет от актеров Мастер-
ской Петра Фоменко. Не знаю, как
все сложится. Нервничаю и боюсь
за нее. Возможно, Евгений Камень-
кович и поставит ее. Самое удиви-
тельное, что он ждал, когда я за-
кончу писать пьесу. Боже мой, ду-
мала я, в кои-то веки от меня кому-
то что-то нужно. Обычно сидишь со
своими пьесами, как с никому не
нужным добром.

— Что же это за пьеса, называю-
щаяся "Ю"?

— Она про Москву. Иногда мне го-
ворят: "Тебе так мало лет, нет жиз-
ненного опыта, как ты пишешь?"
Пишу о том, что знаю и люблю. Три
мои пьесы — про любимого мною
мужчину по фамилии Иванов. А
критики рассуждали о чеховских
мотивах — Иванов-Иванов, дядя Ва-

ня. Теперь личные мои пережива-
ния по поводу этого мужчины за-
кончены и больше писать об этом я
не стану. Москву я тоже люблю. По-
ка в течение двух лет замысел мой
вызревал, подоспел юбилей Моск-
вы. Как хорошо, думаю, пьеса ста-
нет моим личным подарком люби-
мому городу. Однако оказалось,
что объявлен конкурс на лучшую
пьесу о Москве, и это смутило, но, с
другой стороны, перед собой-то я
честна. К тому же не успела подать
заявку на участие в конкурсе.

"Требовательные герои пьесы
вносили необыкновенную заботу
в душу".

Мой герой — молодой человек,
живя за границей, приезжает, слов-
но Чацкий, после долгого отсутст-
вия в Москву. А тут своя жизнь,
свои проблемы. Заканчивается все
трагично, хотя никто не умирает.
Таков мой принцип: никто не умира-
ет, не убивает, у всех все хорошо. Я
суеверна. Были уже трагические
последствия для меня лично после
аналогичных происшествий в пье-
сах. Вот Иванова когда-то на бума-
ге отправила из Москвы, а он и в са-
мом деле потом в Америку уехал. В
"Ю" все шло к тому, что герой ум-
рет, погибнет. До чего же тошно и
мерзко сделалось на душе. И физи-
чески мне было плохо. Не люблю
чувства страха. Наступила мертвая
точка. Я не знала, что делать с ге-
роем. К счастью, все как-то благо-
получно разрешилось и никто не
умер. Сразу на душе стало легче.

— Бибирево в "Тане-Тане" отку-
да взялось? Ты его так воспева-
ла, не помимо же воли?

— Когда я была маленькой, мы
должны были получить там кварти-
ру. В итоге оказались совершенно в
другом районе. И всякий раз, когда
я ругала наш новый район, мама го-
ворила: "Скажи спасибо, что не Би-
бирево". Там тогда метро не было, и
Бибирево стало для меня воплоще-
нием всего самого ужасного. Еще
меня часто спрашивают, не Иван-
ли Охлобыстина я имела в виду в
"Тане-Тане". Ничего я о нем тогда не
знала, просто люблю колоритные
фамилии, типа Красноперцев, Гор-
ноцветов.

"...и в городе Москве он, этот че-
ловек, вдруг получил право на суще-
ствование, приобрел смысл и даже
значение".

После премьеры "Тани-Тани" в
Мастерской П.Фоменко о Мухиной
разом все заговорили. Пьесу поста-
вили еще в двух театрах — Челяби-
нском камерном и Театре сатиры в
Санкт-Петербурге.

"...и разбогатеете до ужаса... в ка-
ретах будете ездить!"

Не больно нынче разбогатеешь
на пьесах. Даже если все театры
страны набросятся на одного дра-
матурга. Мы же, следуя за Булгако-
вым, пожелаем театрам не зевать и
ставить пьесы Ольги Мухиной, отра-
жающие нашу эпоху. Любопытным
и заинтересованным сообщаем, что
"Ю" уже в ближайшее время будет
опубликована в журнале "Драма-
тург".

"Андрей. Ночью мне нику-
да не деться — опять этот го-
род будет любить других. Эй,
Москва, — я хотел бы крик-
нуть ей в лицо, стоя на под-
ножке поезда, уезжая на-
всегда — я еще одену белый
плащ, сяду в синюю машину,
буду ездить по твоим улицам
всю ночь, кидаться в милици-
онеров деньгами — все тебе
назло! Я изъезжу тебя вдоль
и поперек, все твои неспу-
щенные сады, все твои крыш-
ные мосты — ты еще побежишь за
мною!"

(Ольга Мухина. "Ю")

Беседовала
Светлана ХОХРЯКОВА.